

DOI 10.15826/qr.2016.4.202

УДК 94(470-25)"18/2"+355.48(44:47)"1812"+929Наполеон(44)+1+316.472

**МОСКВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА*
(часть 2)****

Владимир Земцов

Уральский федеральный университет,
Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

**MOSCOW UNDER NAPOLEON:
SOCIAL EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE***
(Part 2)**

Vladimir Zemtsov

Ural Federal University,
Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article completes the analysis of the social aspects of cross-cultural contacts during the Napoleonic occupation of Moscow. A great fire that ignited on the evening of 14 September, combined with looting and violence, destroyed the contacts between the soldiers of the Grand Army and the local population which had begun to emerge in the first hours of the occupation. However, less than a couple of days later, the situation started to change as dialogue between the occupiers and the inhabitants resumed. Along with the purely pragmatic goals of the occupation authorities, an important role was played by human empathy. As for the Muscovites, most were concerned primarily with survival and the preservation of property where possible. However, there were quite a few who

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

** Первую часть статьи см.: *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 217–234. The first part of the article is available in *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. Iss. 3. P. 217–234.

*** *Citation*: Zemtsov, V. (2016). Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202.

Цитирование: Zemtsov V. Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202 / Земцов В. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 223–242. DOI 10.15826/qr.2016.4.202.

grabbed this excellent opportunity to enrich themselves. The bulk of these people were criminals or part of the urban poor, but there were also some Russian merchants involved. The most successful contacts after the great fire and the cessation of 'official' looting arose between persons of similar social and cultural levels. A significant difference lay in the purposes and consequences of such contacts. If the result of interactions with the middle and higher social strata was at least a partial return to normal public relations, then the results of interactions at the lower level was the organisation of joint criminal and semi-criminal actions. In general, the short period of cross-cultural dialogue during Napoleon's occupation of Moscow gave many European nations, especially the French and Russian ones, a wealth of experience that defined processes of self-identification and inter-ethnic and inter-state interaction for decades or even centuries.

Keywords: foreign occupation; intercultural dialogue; Moscow in 1812; the Patriotic war of 1812; Napoleon's Russian campaign; Napoleon's Great Army.

Статья завершает анализ социальных аспектов межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы. Грандиозный пожар, охвативший город вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся уже в первые часы оккупации контакты между солдатами Великой армии и местным населением. Только по прошествии нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. По наблюдениям автора, наряду с прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей, важную роль в их поступках играли и гуманистические моменты, связанные с сопереживанием. Большинство москвичей были озабочены выживанием и сохранением имущества, хотя были и те, кто стремился к обогащению. В основном это были люди из уголовной среды и городских низов, но нашлись подобные и среди русского купечества. Наиболее успешные контакты после окончания большого пожара и прекращения санкционированных Наполеоном «официальных» грабежей между наполеоновскими войсками и москвичами возникли между лицами близкого социального и культурного уровня. В статье выявлена разница в целях и последствиях такого рода контактов. Если в высших и средних социальных слоях результатом этого стало частичное возвращение к нормальному функционированию общественных связей, то в низших слоях – организация совместных акций криминального и полукриминального характера. Кратковременный период кросскультурного диалога, пришедшийся на время наполеоновской оккупации Москвы, дал для многих европейских народов, в особенности русского и французского, богатейший опыт, определивший на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Москва в 1812 г.; иностранная оккупация; межкультурный диалог; Русская кампания Наполеона; Великая армия Наполеона.

8 (20) сентября 1812 г. Наполеон, находясь в выгоревшей и разоренной Москве, подготовил в поисках мира письмо к Александру I. Одновременно французский император принял ряд мер с целью отвести от себя и своей армии обвинения в уничтожении второй русской столицы. Наступил своего рода «классический период» оккупации Москвы, продлившийся до выхода основной части наполеоновской армии 6–7 (18–19) октября. Этот период характеризовался известным упорядочением взаимоотношений оккупационных властей с местным населением. Оккупанты проявили заинтересованность в поставках им продовольствия и фуража и начали демонстрировать готовность пойти на заключение мира с русским правительством. Горожане, со своей стороны, были озабочены проблемой выживания и сохранения остатков своего имущества.

Примерами подобного совпадения интересов стало создание по инициативе оккупационной армии московского муниципалитета и полиции. На основе «Дела о наведении справки о разных чиновниках, находившихся на службе у Наполеона» можно установить, что муниципалитет был организован именно 12 (24) сентября, в день процесса над «поджигателями» [ЦИАМ. Д. 563]¹. Главную роль в этом сыграли Ж. Б. Б. Лессепс, бывший французский поверенный в делах в Петербурге, назначенный Наполеоном «интендантом города и провинции», и «московский француз» купец Я. А. Дюлон, в доме которого Лессепс квартировал «по давнишнему с ним... знакомству» [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 43об.]. Социальный и национальный состав этих органов был в своё время проанализирован В. Я. Улановым, который исходил из числа 87 лиц, принимавших участие в управлении [Уланов, с. 128]. Получалось, что в муниципалитете и полиции было более 20 иностранных подданных, 15 чиновников разных рангов, 15 купцов и детей купеческих, четверо военных в отставке, четверо ученых (один профессор, один магистр и два учителя), два дворовых человека и один вольноотпущенный.

Что касается русских купцов, оказавшихся на руководящих постах этого органа, то они согласились занять их под сильным давлением. Согласно документам, им было приказано явиться в дом к Я. А. Дюлону, который и объявил им, кто в какой должности будет состоять («назначил их каждому должности»). Как показал позже П. И. Находкин, купец 1-й гильдии, назначенный «гражданским головою», он попытался отказаться от должности, «но Лессепс сказал, что отменить сего нельзя», так как в противном случае «будет с ними худо» [ЦИАМ. Д. 563. Л. 39–39об.].

В сущности, почти все русские члены муниципалитета оказались в нем не по своей воле. Так, Г. Н. Кольчугин, купец 2-й гильдии, пытался сберечь имущество от огня и разграбления (в том числе, если не прежде всего от русской дворни князя Трубецкого, дом которого

¹ Благодарим Е. Г. Болдину, оказавшую помощь в знакомстве с этим делом.

находился рядом) и с этой целью попросил у французских офицеров, стоявших у него постоем, защиты. Это привело к тому, что вскоре его под конвоем доставили к Ж. Б. Б. Лессепсу, который объявил, что тот «избран в муниципалитет». Кольчугин слезно упрашивал извинить его от этого, ссылаясь на престарелых родителей и многочисленное семейство. В ответ на его тирады Лессепс ответил просто:

Что ли вы много разговаривали? Разве хотите, чтоб я об вас как об упрямец донес моему императору, который в пример другим прикажет вас расстрелять? [Кольчугин, с. 49].

Вернувшись домой, Кольчугин посоветовался с отцом:

Решили избегать присутствия, журналов не подписывать и давать знать, что пошел в такой-то приход или в такую-то часть к больным... [Там же, с. 50].

В подобной ситуации оказался и надворный советник А. Д. Бестужев-Рюмин. Правда, в обмен на участие в муниципалитете ему была обещана относительная сохранность архива Вотчинного департамента, который он должен был сберечь. Обстоятельства, предопределившие вступление в муниципалитет всех других русских купцов и чиновников, в сущности, были аналогичными тем, которые были у П. И. Находкина, Г. Н. Кольчугина и А. Д. Бестужева-Рюмина.

Несколько иначе обстояло дело с некоторыми «московскими иностранцами». Будучи ограблен и потеряв дом, сам искал «какой бы то ни было службы во французской армии» надворный советник, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния Иван Кульман [Наполеон в России, с. 72; Бахрушин, с. 30–31]. Остались не до конца выясненными мотивы поведения надворного советника, профессора Московского университета Х. Штельцера [Васильчиков, с. 447–448; Андреев, с. 44–53; ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 44–45; Киселев, с. 890–891; Histoire de la destruction, p. 103, 120–122]. То же касается француза Ф. Виллерса, преподавателя французского языка, ставшего обер-полицеймейстером (он будет приговорен Сенатом к ссылке в Сибирь, но затем его объявят свободным и простят).

Обращает на себя внимание то, что одной из главных причин, заставлявших русских жителей Москвы ограничивать свое участие в работе органов, созданных оккупантами, была боязнь преследования со стороны российских властей после их возвращения. В то же время «московские иностранцы» не исключали возможности выехать из Москвы вместе с отступающей армией Наполеона.

Как действовала созданная французами московская полиция, и как вели себя ее чины? В этой связи чрезвычайный интерес представляют рапорты, направлявшиеся участковыми комиссарами маршалу А. Э. К. Ж. Мортье, к которым в XIX в. обращались двое

исследователей – П. П. Гронский и А. Н. Попов, а в начале XXI в. – французская исследовательница М. П. Рей. Приведем несколько характерных сюжетов из этих рапортов. 21 сентября (2 октября) Жорж (Егор) Лаланс доносил, что солдаты 3-го корпуса не только грабят жителей, укрывшихся в подвалах, но и наносят им раны саблями. В грабеже участвуют и французские раненые, помещенные в госпитале Воспитательного дома, которые отнимают у русских капусту и картофель. Он же сообщал о безобразиях, чинимых стоявшими на биваках в саду близ Яузы саксонскими и польскими солдатами, один из которых (саксонец) ударил старую женщину и угрожал убить ее, если она донесет о грабежах комиссару. 28 сентября (9 октября) М. И. Марк, комиссар Пресненской части (13 участка), сообщал о том, что фурьер 10-й роты гвардейской кавалерии обокрал отставного русского сержанта, а комиссар Басманной части Умберт (Гриберт, Гюберт) Дро(з) в тот же день извещал о действиях в его округе «целой шайки грабителей... которую можно разогнать только значительной силой». Комиссар 8-го участка (вероятно, Арбатской части) Карл Лассан докладывал о нападениях наполеоновских солдат на коллежского секретаря П. Разумова и о нанесении ему ран. Один из комиссаров доносил об убийствах и истязаниях солдатами лошадей: ради забавы в них стреляли из ружей и перерезали им ноги. Много внимания уделяли комиссары в своих донесениях положению русских пленных и раненых, сообщая об их высокой смертности и прося оказать им возможную помощь в пропитании [Попов, с. 120–121; Гронский, с. 221–222; Рей, р. 192; Москва и Отечественная война, с. 78–86]. Стоит отметить, что многие комиссары полиции были иностранцами подданными.

Помимо организации муниципалитета и полиции, оккупационная администрация особое внимание уделила Воспитательному дому. Уже в день вторжения Великой армии в Москву главный надзиратель И. А. Тутолмин, пытаясь обезопасить подведомственное ему учреждение от «пьяного» патриотизма московской черни и уголовников, бросился в Кремль, куда в четыре часа дня вошли войска Наполеона. В ответ на просьбы И. А. Тутолмина А. Ж. О. А. Дюронель, назначенный военным комендантом города, выделил охрану из 12 конных жандармов при одном офицере [И. А. Тутолмин – И. Н. Баранову; ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 60об.–62]. На следующий день Воспитательный дом посетил генерал-интендант Великой армии М. Дюма.

6 (18) сентября по возвращении из Петровского Наполеон осведомился о состоянии Воспитательного дома и его малолетних обитателей. «Поезжайте и посмотрите от моего имени, – сказал он М. Дюма, – что случилось с этими маленькими несчастными» [Fain, р. 99]. На следующий день, 7 (19) сентября, Наполеон отправил к И. А. Тутолмину своего секретаря-переводчика Э. Л. Ф. Лелорнь д'Идевиля. Предварительно император спросил, знаком ли тот

с И. А. Тутолминым. «Сир, – ответил секретарь-переводчик, – я познакомился с ним во время моего первого пребывания в этом городе. Это достойный человек...» [Fain, p. 103]. Примерно в 12 часов дня Лелорнь прибыл в Воспитательный дом и сообщил Тутолмину, что имеет поручение доставить последнего к императору. Иван Акинфиевич с радостью встретил Лелорня, с которым он познакомился пять лет назад, когда они оба часто бывали в доме у А. Д. Хрущева. Тутолмин и Лелорнь поцеловались. Иван Акинфиевич повел гостя к себе, предварительно показав ему ряд помещений Воспитательного дома. Подведя Лелорня к детям, Тутолмин сказал им: «Этого француза прислал император». Лелорнь тотчас же был встречен радостными возгласами детей; самые маленькие ухватились за его ноги, те, кто были постарше, бросились к нему на шею.

Защита вашего государя стала для нас милостью неба, и без защиты, которую ваш государь нам предоставил, не было бы надежды защитить наш дом от того, чтобы он не стал добычей грабежа и пожара,

– говорил Лелорню Тутолмин со слезами на глазах. Иван Акинфиевич привел Лелорня к себе в комнаты и, разместившись, они «стали говорить как знакомые». «Я обрадовался, – пишет И. А. Тутолмин об Э. Л. Ф. Лелорне, – что он по-русски говорит, как русский». Лелорнь особенно расспрашивал о семействе Хрущева, и Тутолмин, что мог знать, рассказал ему. Наконец Лелорнь взял Тутолмина за руку и тихо сказал, имея в виду Наполеона: «Поедем; чем скорее, тем ему приятнее». Они поднялись, вышли из дома, сели вместе в дрожки и поехали в Кремль [И. А. Тутолмин – И. Н. Баранову; ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 60об.–62; Fain, p. 99–100].

Встреча Наполеона с И. А. Тутолминым нами была описана ранее [Земцов, с. 199–201]. Очевидно, что главной целью императора было установить через И. А. Тутолмина контакт с Александром I, одновременно демонстрируя свою заботливость о московских погорельцах и детях Воспитательного дома. Вероятно, с этим же (хотя мы не исключаем естественного проявления гуманизма со стороны французского командования) был связан и факт присылки в Воспитательный дом детей, подобранных французами на улицах горящей Москвы. Согласно обычаю, дети получали фамилии тех, кто принял участие в их судьбе. Поэтому двое из них стали именоваться Наполеоновы, девять – Тревизские (присланы от А. Э. К. Ж. Мортье, герцога Тревизского), и девять – Милиево (доставлены от французского коменданта Москвы Э. Ж. Б. Мийо) [ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 65, 86–89об.]. В дальнейшем, когда станет ясно, что контакт с Петербургом установить не удастся, Наполеон воспользуется Воспитательным домом (как бы в обмен за оказанные услуги) в качестве госпиталя для нетранспортабельных раненых Великой армии, которых придется оставить в Москве.

На каких языках происходило общение между оккупантами и московскими жителями? Очевидно, что многие русские дворяне владели французским, а нередко и немецким языком, хотя и в разной степени. Так, ассессор Г. В. Сокольский мог относительно легко объясняться на нескольких иностранных языках, за что часто возносил хвалу Господу [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 18]. В то же время при встрече И. А. Тутолмина с Наполеоном оказалось, что французский язык у действительного статского советника оставляет желать много лучшего, и императору пришлось прибегнуть к услугам Э. Л. Ф. Лелорнь д'Идевиля как переводчика.

Проще всего было «московским иностранцам», которые не испытывали подобных затруднений. Даже если немец-москвич не знал французского, он легко находил возможность общаться по-немецки. Так, в доме у А.-И. Розенштрауха поселились четверо французских «адъютантов Бертье», трое из которых «прилично говорили по-немецки» [Розенштраух, с. 81].

Не возникало особых трудностей в плане языка и при общении между москвичами и поляками. Некий «командир», говоривший по-русски, потребовал от русского работника в каретном ряду починить экипаж, после чего дал ему талер, сказав: «На, хлопец». «Как они ушли, – вспоминал русский, – отец говорит: “Это, говорит, поляк, потому у них такой обычай: все хлопец да хлопец”» [Толычева, 1872, с. 20]. Часто в качестве переводчиков оккупанты использовали мальчиков, служивших в магазинах у иностранцев [Толычева, 1912, с. 42, примеч.].

Многие из русских священнослужителей пытались общаться на латыни, что часто им удавалось. К примеру, так общался с оккупантами священник московского Успенского собора И. С. Божанов [Шукин, ч. 4, с. 578]. На том же языке изъяснялся с неким генералом дьякон, муж Е. А. Пахорской, поведавшей об этом через много лет [Толычева, 1912, с. 55]. Однако когда дьякон попытался объяснить по-латыни с караульными, ему это сделать не удалось. Жена дьякона вспоминала:

Они по-латыни не знали да выучили несколько русских слов, и муж мог слово, другое по-французски сказать. Так объясняться можно было с грехом пополам [Толычева, 1912, с. 58].

Солдаты оккупационной армии достаточно быстро «выучились по-русски лепетать, – вспоминал один из современников, – все съестное называть умели: хлеб, масло, вино, яйца, вода – все знали, а уж мы привыкли и понимали». В крайнем случае на помощь приходил язык жестов и междометий [Толычева, 1872, с. 22; Толычева, 1912, с. 27 и далее].

Русские москвичи начали четко различать «настоящих» и «ненастоящих» французов. «Французы-то сговорчивы и не обидчики; их, бывало, разжалобить можно, ну, а прочих-то добрым словом не помянешь», – вспоминал современник [Толычева, 1912, с. 72]. Купеческий сын А. Алексеев, переживший оккупацию, рассказывал много лет спустя:

Только это были не настоящие французы, а настоящие-то как милосердны! Как, бывало, придут, мы их сейчас узнаем по речи да по манерам и не боимся, потому знаем, в них совесть есть. А от их союзников упаси Боже! Мы их так и прозвали: *беспардонное войско*, что их ни просьбой, ни слезами не возьмешь [Толычева, 1912, с. 26]².

«Грех их лихом помянуть: добрые были люди!» – восклицал крепостной А. Н. Соймонова, вспоминая французов [Там же, с. 69–70]. С французами оказались связаны и примеры проявления своего рода «мародерской деликатности». Так, узнав, что жена одного из москвичей, которого грабили, больна, французские солдаты начали обчищать дом, стараясь при этом не производить шума [Histoire de la destruction, p. 112]. А генерал Ж. Д. Компан, не в состоянии превозмочь себя в желании присвоить великолепные часы, стоявшие в доме Н. С. Всеволожского, где он остановился, оставил в утешение хозяйину свою раненую лошадь, которая, впрочем, дала потом великолепное потомство [Толычева, 1912, с. 23–24].

Оказались близки к «настоящим французам» итальянцы. Тесные отношения, к примеру, сложились у русского семейства «из духовного состояния» с «одним капитаном Итальянской гвардии». Итальянец, беседуя со священником по-латыни, любил порассуждать о трудностях Русского похода, а его русские собеседники рассказывали об ужасах северных морозов [Рязанов, с. 126–127].

Сами французы, оправдывая грабежи и насилия, предпочитали во всем обвинять солдат немецких частей – баварцев и в особенности вюртембержцев [Histoire de la destruction, p. 117; д'Изарн]. Именно вюртембержцы, как утверждал А. Домерг, «придумали вырывать из земли трупы», дабы искать на них драгоценности [Домерг, 1881, № 12, с. 816].

Доставалось в разговорах, которые вели французы, и полякам. Кюре церкви Святого Людовика в Москве А. Сюрюг писал, что один французский офицер в разговоре с ним сознался, что французская армия после эпохи революции еще не становилась виновницей столь страшного беспорядка, и сваливал вину на иностранные войска, в особенности на поляков, утверждая, что они имели особые причины для такой мести [Surugue, p. 44]. Поляки, пришедшие с Великой армией, действительно часто не отличались великодушием. Смотритель Павловской больницы П. П. Носков описывал в донесении, что уже со 2 (14) сентября поляки «волнами» начали грабить подведомственное ему учреждение и «при малейшем упорстве обнажали сабли» [ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 53–56; Москва в 1812 году, с. 157]. Грабежи поляков, которые остановили французские солдаты, описывал и неизвестный автор в записке «Страшен сон, да милостив Бог»

² Иную трактовку выражению «беспардонное войско» дает ассессор Г. В. Сокольский, утверждая, что это означало солдат в латах, то есть кирасиров [ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 15].

[Щукин, ч. 9, с. 78–82]. В воспоминаниях другого, тоже анонимного автора, воспроизводится такая сцена:

Через две минуты пришел один поляк... он слушал слова мои со злобным видом и, чувствуя эту отраду, что он мог мстить за прошедшие свои разорения, от россиян учиненные, стращал меня и, ударяя по уху, требовал серебра, вынимал саблю и показывал глупую свою храбрость над обезоруженным [Долгова, с. 38].

И все же были и другие примеры. В воспоминаниях насельников Новодевичьего монастыря запечатлен образ благородного польского офицера М. Задеры, прикомандированного к Главной квартире 1-го армейского корпуса и произведенного 11(23) сентября в аджудан-комманданы (штабные полковники) [Московский Новодевичий, с. 844–858; Толычева, 1912, с. 13; Quintin, p. 891]. Служитель монастыря вспоминал:

...А нам грешно сказать, у нас стояли не одни французы, тоже и поляки, и нас не обижали, все потому что их начальник, Задэра-то, греха боялся [Толычева, 1912, с. 13].

Задера настоятельно просил всю дорогую церковную утварь спрятать и в случае каких-либо инцидентов приносить жалобы.

Постепенно менялось и восприятие чинами армии Наполеона русских. На полях «Переписной по Калуге старых лет, 1729 года» много лет спустя после нашествия историк Н. И. Тихомиров обнаружил множество полубеспорядочных надписей, оставленных французским гренадером, расположившимся в архиве Вотчинного департамента. Воспроизведем одну из них:

...il Nexiste aucun français qui ne soit au Désespoir du mal'heure de votre jolie Moscau j'ose vous assurer que moi Dans Mon particulier je la pleure en regrai elle aitait digne d'être conserve Si vous ussiez resté chez vous el aurait été conserve Pleuré Pleuré Russien Le mal'heur de votre payis Vous seul aitez l'auteur de tout les meaux quil endure³.

Примеров сочувственного отношения к несчастным жителям Москвы со стороны солдат Наполеона было множество. В особенности это почувствовали на себе три категории москвичей. Во-первых, многочисленные представители верхов русского общества, оставшиеся в городе. Так, действительный статский советник П. И. Загрязский

³ «Нет ни одного француза который бы не пришел в отчаяние от несчастья вашей чудной Москвы я осмелюсь уверить что я почти я в особенности я плачу жалея что она достойна того чтобы быть сохраненной если то что осталось будет сохранено Плачь Плачь русский несчастье вашей страны вы один автор всех несчастий которые произошли» [ГИМ Ф. 160. Ед. хр. 198. Л. 2; Щукин, ч. 7, с. 214–215].

быстро нашел себе приют в доме С. М. Голицына, где остановился обер-шталмейстер Наполеона А. О. Л. Коленкур. Отставной генерал-майор С. И. Мосолов мало того, что принял от французов охранный билет, но еще и получал от них продовольствие. Он писал:

То иные французы приходили только посидеть с нами и с собою вино разного сорту приносили, потчевали нас им и детям давали коринки, без сумления, что все было награбленное; а иные были даже босы и наги, видно голые ноги; однако ж ничего не брали и сапог ни с кого не снимали [Щукин, ч. 8, с. 343].

Перед выходом из Москвы Ж. Б. Б. Лессепс прислал Мосолову 100 руб. денег. Во-вторых, это коснулось тех москвичей, которые оказались в различных воспитательных и богоугодных заведениях. Помимо Воспитательного дома, помощь получили Екатерининская больница, Инвалидный и Богаделенный дома [Щукин, ч. 1, с. 106–107]. В-третьих, получили помощь и сочувствие некоторые женщины, оказавшиеся в тяжелом положении. Несколько дней кормил и помогал только что разрешившейся от бремени женщине из простонародья, прятавшейся от пожара на кладбище, неизвестный французский солдат [Наполеон в России, с. 344–345]. Французский «генерал или полковник», увидевший рожавшую прямо в саду жену русского купца, пригласил ее к себе на квартиру и разделил комнату, где он жил, надвое ширмами [Толычева, 1912, с. 42–43]. Помогли французские солдаты увезти с Орлова Луга заболевшую молодую женщину [Там же, с. 50–51].

Немало было примеров и защиты со стороны оккупационных властей русских церквей, монастырей и их причта. Более того, возобновление службы в московских церквях после окончания пожара произошло не только по инициативе отдельных оставшихся в Москве священнослужителей, но и по требованию французских властей. К примеру, проводить богослужения в Страстном монастыре побудил священнослужителей некий «французский генерал». А в Знаменском монастыре это произошло по причине приезда в него 15 (27) сентября Ж. Б. Б. Лессепса, который прямо приказал отправлять богослужения [Мельникова, с. 354, 358]. При этом французские власти разрешали провозглашать многие лета императору Александру. Когда священнослужители Новодевичьего монастыря обратились к «французскому генералу» с просьбой о возобновлении богослужения, он сказал: «Если вы желаете, я вам всего пришлю. Нам даже будет очень приятно, что вы свою службу отправлять будете». Генерал прислал муки и три бутылки вина [Толычева, 1912, с. 14]. Когда началась служба в Рождественском монастыре, тогда «...и французы бывали частенько на службе, – вспоминала А. А. Назарова, которой в 1812 г. было 10 лет. – Любопытно им, видно, было. Войдут, нам поклонятся и смотрят. Иной раз между собой пошепчутся, а стояли всегда прилично» [Там же, с. 82–83].

Заметную помощь оказали оккупационные власти «московским иностранцам». Погорельцы-иностранцы были размещены в доме у Красных ворот, в здании медицинской академии и в находившемся рядом с ней доме Давыдова, в доме Разумовского на Гороховом поле и, конечно, в церкви Святого Людовика [Попов, с. 88]. Помимо этого, император выделил 50 тыс. рублей, «дабы выборные люди распределили их среди несчастных». Однако раздача денег была сделана тяжелой медной монетой, и эта мера, по словам того же Сюрюга, оказалась малоэффективной [Surugue, p. 49–50].

Французские власти делали попытки оказать помощь и русским раненым, оставленным в Москве. 5 (17) сентября командир 1-го армейского корпуса Л. Н. Даву сообщал Л. А. Бертье следующее:

Moscou, le 17 Septembre. Au Major Général.

J'ai l'honneur d'informer V. A. S. que suite à la déclaration du chirurgien en chef de l'hôpital de la Guerre à Moscou, il existait un grand nombre de blessés qui ont été évacués les 16 et 17 des différents hôpitaux de la ville. Un nommé [Popel?] qui était parti avec eux et qui est revenu hier [нрзб] pu passer sur la route de Wladimir a déclaré que la plupart de ces blessés avait été arrêté par nos troupes et qu'hier quelque évacuation avait eu lieu pendant qu'il était chez le Roi de Naples et chez l'Épéreur.

Le Grand hôpital de Guerre peut, d'après la déclaration du chirurgien en chef contenir 2000 honneurs et était plein il y a cinq jours. Il est meuble et approvisionné. L'hôpital de Kalawinsky est un château où il n'y a point de lit ni d'approvisionnement [нрзб]. Il est susceptible de contenir 10,000 malades. Il était rempli il y a six jours. Il y a en outre plusieurs hôpitaux civils, dont V. A. trouvera la nomenclature dans l'État citoyen (?).

Il existe ici une [нрзб] pharmacie militaire qui est placée à côté de l'hôpital de la guerre. J'ai chargé Mr l'ordonnateur en chef d'envoyer constater dans les différents hôpitaux le matériel et le personnel et d'en faire un rapport à Mr l'intendant général et à moi⁴ [Service historiques de la Défense. C2 290. F. 100].

⁴ «Москва, 17 сентября. Начальнику Главного штаба.

Имею честь информировать Ваше высочество, что согласно заявлению главного хирурга Военного госпиталя в Москве, здесь находится огромное количество раненых, которые были эвакуированы 16-го и 17-го из разных госпиталей города. Некто по имени Попель (?), который был среди них (то есть вместе с ранеными. – В. З.) и который вернулся сюда [нрзб], пройдя по дороге на Владимир, говорит, что большая часть этих раненых должна была быть задержана нашими войсками и что отсюда было осуществлено несколько эвакуаций в то время, когда приближались Неаполитанский король и император.

В Большом военном госпитале по заявлению главного хирурга содержится 2 000 человек, и они поступили сюда в течение 5 дней. Он [госпиталь] мебелирован и обеспечен. Головинский [Kalawinsky] госпиталь расположен во дворце, который преступным образом ничем не обеспечен. Он способен принять 10 000 больных. Он заполнен за последние шесть дней.

Здесь имеются другие многочисленные гражданские госпитали, которым Ваше высочество изволили дать статус гражданских.

Здесь (то есть в Москве. – В. З.) имеется [нрзб] военная фармацевтика, которая находится возле военного госпиталя.

Я отдаю приказ г-ну главному ординатору без промедления определить нужды различных госпиталей в материалах и персонале и представить рапорт г-ну главному интенданту и мне».

Французское командование приняло меры к тому, чтобы наряду с обеспечением продовольствием и медицинской помощью своих раненых, которых было до 15 тыс. чел., помочь остававшимся в городе русским раненым и больным. Очевидно, что больше всего повезло в этом плане раненым русским офицерам, но не солдатам. Самым известным в этой связи сюжетом является история, произошедшая с ранеными русскими офицерами, оказавшимися в Голицынской больнице (прапорщиком А. С. Норовым, штабс-капитаном гвардии и адъютантом М. Б. Баркляя-де-Толли А. Ф. Клингером, капитаном егерей Тимофеевым, поручиком Преображенского полка М. М. Обольяниновым, майором Орденского кирасирского полка Ф. В. Вульфом). Осмотренные, а некоторые и прооперированные самим главным хирургом Великой армии Д. Ж. Ларреем, они были предоставлены заботам старшего хирурга 12-го конно-егерского полка Бёфиса [Норов, с. 49–52; Larrey]. Помогал русским раненым в Голицынской больнице и главный хирург 5-го (польского) армейского корпуса Л. Лафонтен.

Что же касается простых русских солдат, то реалистичную картину того, что происходило в Главном военном госпитале, нарисовал А. В. Нордгоф, московский немец:

Несчастные больные не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже продовольствия. <...> Самим французам не хватало хирургов и продовольствия, следовательно, никто не занимался этими бедными брошенными людьми. Наконец, на третий день прибыли три хирурга, чтобы принять заботу о стольких больных. Да, всего три хирурга на такое количество людей... [Histoire de la destruction, p. 85; Dumas, p. 446–447].

Огромное число русских раненых рассыпалось по Москве в поисках пропитания. Но далеко не все смогли его найти. М. И. Марк, участковый комиссар полиции 13-го дистрикта (вероятно, Пресненской части, созданной оккупантами), докладывал:

Я еще велел совершить погребение четырнадцати русских солдат, которые умерли скорее от голода, чем от своих ран (цит. по: [Гронский, с. 222]).

Заботу иного рода наполеоновская администрация вынуждена была проявить и по отношению к люмпенизированным слоям оставшихся в городе москвичей. Именно от них исходила основная угроза не только относительному порядку в Москве, но имуществу и жизни самих оккупантов. Главными жертвами московских низов, конечно, стали их добропорядочные соотечественники. Купеческий сын И. Е. Гречишников зарыл свое имущество, но дворовый человек Василий Афанасьев вырыл его и себе присвоил, оправдываясь впоследствии тем, что получил его от французов «за услуги», а именно за ношение воды [Щукин, ч. 2, с. 77–78, 81]. Не давали житья укрывшим-

ся в одной из церквей 18 московским жителям бродяги и пьяницы, которые «один другому прекословили, друг у друга чинили грабежи, ругались, и кричали, и друг друга упрекали...» [Долгова, с. 44]. Приметили, где спрятал свое имущество помощник квартального надзирателя, «разобрали половицы и все стащили» его жильцы из числа простонародья. Больше того, дабы скрыть свою кражу, они донесли на скрывавшегося полицейского французам [Толычева, 1872, с. 9]. И наоборот, купцу Г. Н. Кольчугину пришлось обращаться к французским властям за помощью в надежде вернуть награбленное в его доме дворней князя Трубецкого, которая с момента оставления русскими войсками Москвы безостановочно грабила и пила совместно с понаехавшими к ней деревенскими родственниками. Ситуации придало особую пикантность то, что дворня Трубецкого под пьяную лавочку обокрала и самого Л. А. Бертье, начальника Главного штаба Великой армии! [Кольчугин, с. 52–53].

Немалочисленной оказалась в оккупированном городе и такая своеобразная категория, как проститутки. Шеф батальона Л. Ж. Вьонне де Марингоне вспоминал:

Масса публичных женщин осталась в Москве; многие честные женщины, умирающие с голоду, также принуждены были служить развлечением для всех [Vionnet de Maringone, p. 43].

Из полицейского протокола, составленного в мае 1813 г. в Таганской части, узнаем, что крепостная «г-на Акшарумова Дарья Степанова, 28 лет, пропитание в Москве имела от чинимого с разными людьми непотребства». В апреле 1813 г. она была арестована, так как

...в сумерки, встретившись сей части на Семеновской улицы с шедшим неизвестным ей солдатом, который пригласил ее [к] непотребству, и по согласию на пожарище близ Покровского монастыря легли, где полицейским офицером взяты... [Щукин, ч. 3, с. 102].

Иначе устраивались публичные женщины более высокого социального положения. А.-И. Розенштраух описывал, как ему на помощь во время грабежа «организованными» наполеоновскими мародерами пришла соседка, «которая была очень красива и пользовалась не самой лучшей репутацией», заявила, что она любовница французского генерала, и он не потерпит очернения славного имени Наполеона чинами его армии [Розенштраух, с. 252–253].

Но многим доступным женщинам из московского простонародья, которые сблизилась с солдатами оккупационной армии, казалось, что они тем самым превратились в «высокородных дам». Вообще же в разгар, и особенно к концу пребывания Наполеона в Москве царил уже настоящий карнавал, отразивший разрушение, хотя и временное, многих социальных рамок. В то время как «русские проститутки

танцуют (точнее, пляшут) в костюмах французских маркиз» [Бургонь, с. 40–42], аристократы П. А. Волконский, С. А. Лопухин и князь Д. В. Голицын таскают «на плечах своих кули, а французы погоняют их, крича: ало! ало!» [Перечень известий, ст. 791–792].

Сами оккупанты приобрели экзотический и «варварский» вид.

...Я смог купить по дешевой цене теплую шубу, с помощью которой я смог утеплить мой старый гарик (плащ, – В. З.). <...>. Я сконструировал с помощью солдата большие сапоги из шкуры медведя мехом вовнутрь, и я закончил перемены в своем внешнем виде, утеплив мехом мой нос, да, смейся, мой нос мехом...

– пишет 10 (22) сентября полковник Ф. И. А. Паркез [АВПРИ; *Lettres interceptées*, p. 61].

Я, к счастью, нашел гренадера, который согласился сделать новые теплые подкладки к моим мундирам. Я подогнал хорошую шубу (хотя и старую), чтобы ездить на лошади... егерь починил мои сапоги, и он же мне обещал пару ботинок из шкуры, чтобы в них наполовину поместить эти сапоги. Я покрыл беличьим мехом мой парижский картуз...

– повествует в письме к жене помощник начальника топографического кабинета императора Л. А. Г. Бакле д'Альб [РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92. Л. 70–70об.; *Lettres interceptées*, p. 111].

Достал очень большую женскую шубу из лисы и белого атласа, и она мне хорошо служит. Я предпочитаю ее всему другому...

– писал К. А. Лами, чиновник, прикомандированный к военным комиссарам [*Lettres interceptées*, p. 168].

Раз встретился мне француз, он ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, во все стороны озирается, а сам смеется...

– вспоминал купеческий сын А. Д. Сысоев [Толычева, 1872, с. 15].

Когда армия тронулась из Москвы, она являла собой картину уже значительно разложившегося военного организма. Р. Э. Ф. Ж. Монтескьё барон Фезенсак, командир 4-го линейного полка, наблюдая, как Великая европейская армия выступала из Москвы, подумал, что это «спектакль, который напоминает войны азиатских завоевателей» [Fezensac, p. 52].

Нередко сами несчастные русские погорельцы теперь жалели обносившихся оккупантов!

А. Алексеев вспоминал:

Жаль было на них посмотреть, все они оборванные да изморенные; опять же кто в чем попало: один на себя навьючил женскую юбку, другой – поповскую ризу; настоящие Святки! [Толычева, 1912, с. 29].

Между тем, переодевание во всевозможные одежды, как писал по горячим следам «московский француз» Ж. Лекуант де Лаво, давало повод солдатам грабить даже своих офицеров, которых они как бы не узнавали в новых одеждах [Lecoq de Laveau, p. 125–127].

Фантазмагоричность «московского маскарада» заметно усилилась с появлением большого числа окрестных крестьян. А.-И. Розенштраух писал:

Когда же публичные грабежи прекратились, и учредили упомянутую уже полицию, из окрестностей в город потянулось много крестьян, но не затем, чтобы привезти продукты, а чтобы купить медные деньги... и для поисков в сгоревших лавках и домах всего, что они могли увезти на своих телегах [Розенштраух, с. 263].

Главным пунктом концентрации московских низов и подмосковных крестьян стала Никольская улица, где французская гвардия начала продажу медной монеты на золотые или серебряные деньги.

Можно было видеть, например, как жадные женщины взваливали себе на оба плеча мешки, но не успевали сделать и двух шагов, как какой-нибудь силач отнимал у них добычу и убегал с нею. Крики, брань, драка – все это смешалось; солдаты с обнаженными саблями и криками «ура» били направо и налево и, в свою очередь, похищали яблоко раздора. «Мусью, мусью! Подарите... Алё, алё!.. Что даешь?.. Подарите, мусью», – и затем град ударов; но на это не обращали никакого внимания...

– вспоминал Ф. д'Изарн [д'Изарн, ст. 1435].

Французы, пытаясь навести хоть какой-то порядок, загродили баррикадами вход в Китай-город у Воскресенских ворот и разложили медные монеты в мешки по 25 руб. Солдаты, получив предварительно «требуемую сумму», бросали из окон или «через баррикады эти громадные мешки в ненасытную толпу» [Домерг, 1881, № 9, с. 159–160; д'Изарн, ст. 1436].

По выходе французской армии из Москвы грабежи вообще приобрели небывалый размах.

Лишь только они [французы] ушли, начали свои грабить, и те, что в городе оставались, да и соседние крестьяне явились на поживу. Целых три дня грабили нещадно... <...> А другие безо всякой совести на все бросались; да уж хоть бы брали что могли, а не истребляли бы даром чужого добра. Много его погибло без всякой пользы. Я видел, как на Мясницкой с верхнего этажа дома Салтыкова выбрасывали мебель. Она разбивалась о мостовую, и крестьяне увозили столы и стулья без ножек,

– вспоминал А. Д. Сысоев, выходец из купеческого сословия [Толычева, 1872, с. 15]. Священник А. Н. Лебедев, вспоминая о событиях в Зарядье, писал, что имущество грабилось «налетевшими, как саранча... мужиками».

Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и все то, что было зарыто москвичами в землю на дворах, по погребам. Увозилось ими все, и мелкое и крупное, не пренебрегали и книгами [Щукин, ч. 3, с. 259].

В сущности, первые дни после выхода армии Наполеона из Москвы удивительно напоминали канун оккупации первопрестольной: отсутствие властей обрекало город на произвол городских низов, раненых и «мнимораненых» солдат и окрестных крестьян. Жертвами грабителей и насильников становилась добропорядочная публика из числа чиновников, купцов, мещан и «московских иностранцев». Возвратившиеся в Москву после оккупации русские власти долго не могли навести порядок. Первым делом прекратив грабежи со стороны крестьян и московского люда, власти стали выявлять «крамолу» – арестовывать сотрудничавших с оккупационными властями и составлять списки «выехавших вместе с французами». В первом такого рода списке среди 51 фамилии значились наряду с «московскими иностранцами» «Иван Гаврилов, калмык, вечноцеховой», две мещанские девицы Прасковья и Пелагея Клушниковы, московская купчиха Варвара Иванова [Щукин, ч. 2, с. 35–38].

Немало в числе заподозренных как в сотрудничестве с неприятелем, так и в грабежах и воровстве оказалось полицейских. Наконец, в городе упорно циркулировали слухи о злоупотреблениях российских властей и даже о возвращении Наполеона! Поэтому Ф. В. Ростопчину и его окружению пришлось преследовать и тех, кто, по их мнению, эти слухи распускал. В апреле 1813 г. «за приглашение пустых и нелепых слухов» были высланы в Вологду военные чиновники отец и сын Газо, оставленные отступавшими при больных французских солдатах [Там же, с. 157–158]. Был задержан в июле 1813 г. гренадер Денисов «за распространение ложных слухов о прибытии в Москву французов» [ЦИАМ. Д. 564]. Был арестован рядовой Брестского «мушкетерского» полка Григорий Буфетов, который, как оказалось, «вместе с французами разбивал кладовые почтамта и делал разным чиновникам насилия» [Щукин, ч. 1, с. 126]. В конце 1813 г. был отправлен в «Железенский гарнизон» некто Артемьев, «цеховой», который, «обращаясь в пьянстве, превозносил в трактире похвалами Наполеона, порицал правительство и желал, чтоб французы опять пришли в Москву» [Там же, с. 159]. Удивительная вещь: многие русские, только что пережив ужасы войны и вражеской оккупации, мечтали о возвращении Наполеона в российскую столицу!

Подведем итоги. Грандиозный пожар Москвы, начавшийся вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся фактически сразу с первых часов оккупации контакты между чинами Великой армии и местным населением. Только по миновании нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. Наряду с чисто прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей (стремлением вступить в переговоры с Александром I, снять с себя ответственность за пожар, обеспечить себя продовольствием и другими ресурсами), важную роль в их поступках играли и чисто гуманистические моменты, связанные с человеческим сопереживанием. Что же касается москвичей, то большинство из них было озабочено прежде всего проблемой выживания и сохранения, если это было еще возможно, хоть какого-то имущества. Впрочем, среди них нашлось и немало таких, кто в этих обстоятельствах ухватился за удобную возможность обогатиться. Основную массу этих последних составили люди из уголовной среды и городских низов. Но нашлись подобные и среди русского (купец 3-й гильдии И. Г. Позняков, создавший целую грабительскую сеть) и нерусского (И.-А. Розенштраух, обогатившийся за счет скупки ассигнаций) купечества.

Наиболее успешный контакт в «классический период» оккупации (то есть после окончания большого пожара и прекращения санкционированных Наполеоном «официальных» грабежей) между наполеоновскими войсками и москвичами возникал между лицами близкого социального и культурного уровня, причем вне зависимости от того, к какому социуму и культурному слою (более высокому или более низкому) они принадлежали. Существенная разница заключалась в целях и последствиях такого рода контакта. Если в высших и средних социальных слоях это взаимодействие имело следствием хотя бы частичное возвращение к нормальному функционированию общественных связей, то в низших – к организации совместных акций криминального и полукриминального характера.

В любом случае тот кратковременный период кросскультурного диалога, пришедшийся на время наполеоновской оккупации Москвы, дал для многих европейских народов, в особенности русского и французского, богатейший опыт, определивший на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842.
Бахрушин С. В. Французы в Москве в 1812 году. М. : Изд. Императ. общ-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913. 40 с.
Бургонь А.-Ж.-Б. Мемуары. М. : Наследие, 2003. 176 с.
Васильчиков А. А. Семейство Разумовских : в 5 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 2. 4, 557, 21 с.

ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 155. Ед. хр. 109, 110; Ф. 160. Ед. хр. 198, 199.

Гронский П. П. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива // Журнал министерства юстиции. 1912. № 3. С. 213–224.

Долгова С. Г. Незвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г. // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы VII всерос. науч. конф. Бородино : Б. и., 1999. С. 30–52.

Домерг А. Воспоминания о России // Историч. вестн. 1881. № 6. С. 343–363; № 7. С. 596–628; № 8. С. 862–887; № 9. С. 158–184; № 11. С. 620–641; № 12. С. 807–821. № 12. С. 816.

Земцов В. Н. Наполеон в Москве. М. : Книга, 2014. 364 с.

Изарн Ф. д' Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Рус. архив. 1900. № 11. С. 1406–1462.

Киселев Н. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Рус. архив. 1868. № 6. С. 881–904.

Кольчугин Г. Н. Записки о 1812 годе московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина // Рус. архив. 1879. № 9. С. 45–60.

Мельникова Л. В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М. : Кучково поле, 2007. 416 с.

Москва в 1812 году : Воспоминания, письма и официальные документы из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 448 с.

Москва и Отечественная война 1812 г. : в 2 кн. М. : Изд-во Глав. архив. управления Москвы. Кн. 2. 2011. 640 с.

Московский Новодевичий монастырь в 1812 г. : Рассказ очевидца – штатного слугителя Семена Климыча // Рус. архив. 1864. С. 844–858.

Наполеон в России глазами русских. М. : Захаров, 2004. 320 с.

Норов А. С. Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника : По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир». СПб. : Тип. Департамента уделов, 1868. 258 с.

Перечень известий из Москвы и окрестностей ея от 20 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Рус. архив. 1864. С. 790–794.

Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. М. : Тип. Грачева, 1876. 185 с.

Розенитраух И.-А. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / вступит. ст. и коммент. А. Мартина. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 296 с.

Роос Г. С. Наполеоном в Россию. М. : Сфинкс, 1912. 11, 334, 4.

РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92.

Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года. М. : Тип. М. Н. Захарова, 1862. 332, 2 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Катков и К., 1872. 54 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 115 с.

Тутолмин И. А. – Баранову И. Н. Москва, ноябрь 1812 г. // Рус. архив. 1900. № 11. С. 457–458.

Уланов В. Я. Организация управления в занятых французами русских областях // Отечественная война и русское общество. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 4. С. 121–141.

ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563–564.

Шукин П. И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. : в 10 ч. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897–1908.

Dumas M. Souvenirs. P., 1839. Т. 3. 626 p.

Fain A. J. F. Manuscrit de 1812: in 2 t. P. : Dulaunay, 1827. Т. 2. 495 p.

Fezensac M. The Russian Campaign, 1812. Athens : Univ. Of Georgian Press, 1970. 11, 147 p.

Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A. F. de B...ch. P. : Ponthieu, 1822. 216 p.

Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P. : Chez J. Smith, 1817. Т. 4. 499 p.

Lecointe de Laveau G. Moscou avant et après l'incendie. P. : Gide fils, 1814. VI, 203 p.

Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie // ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 160. Ед. хр. 291.

- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. P. : La Sabretache, 1913. XVI, 440 p.
- Quintin D. et B. Dictionnaire des Colonels de Napoleon. P. : S. P. M., 1996. 978 p.
- Rey M. P. Leffroyable tragédie. P. : Flammarion, 2012. 391 p.
- Service historiques de la Défense. C² 290. F. 100.
- Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / publ. par le R. P. Libercier. M. : F. Tastevin, [1909]. 72 p.
- Vionnet de Maringoné L. J. Souvenirs... P. : E. Dubois, 1899. 193 p.
- Zemtsov V. N. The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812 // J. of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Iss. 3. P. 502–523.

References

- Andreev, A. Yu. (1997). “Ya sluzhil gorodu, a ne vragu” [“I Served the City, not the Enemy”]. In *Istorichesky arkhiv*, 3, pp. 44–53.
- AVPRI. Stock 133. L. 468. Dos. 1842.
- Bakhrushin, S. V. (1913). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812]. 40 p. Moscow, Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete.
- Bourgogne, A.-J.-B. (2003). *Memuary* [Memoirs]. 176 p. Moscow, Nasledie.
- De B...ch, A. F. (1822). *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812*. 216 p. Paris, Ponthieu.
- Dumas, M. (1839). *Souvenirs*. Vol. 3. 626 p. Paris.
- Fain, A. J. F. (1827). *Manuscrit de 1812*. Vol. 2. 495 p. Paris, Dulaunay.
- Fezensac, M. (1970). *The Russian Campaign, 1812*. XI, 147 p. Athens, Univ. Of Georgian Press.
- Goriainow, S. E. M. (Publ.). (1913). *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. XVI, 440 p. Paris, La Sabretache.
- GIM. Stock 155. Coll. item. 109, 110. Stock 160. Coll. item. 198, 199.
- Gronsky, P. P. (1912). *Istoricheskie materialy, izvlechenyye iz Senatskogo arkhiva* [Historical Materials Withdrawn from the Senate Archive]. In *Zhurnal ministerstva yustitsii*, 3, pp. 213–224.
- Dolgova, S. G. (1999). *Neizvestnoe svidetel'stvo o moskovskom pozhare 1812 g.* [Unknown Account of the Moscow Fire of 1812]. In *Otechestvennaya vojna 1812 goda : Istochniki. Pamyatniki. Problemy : materialy VII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 1998 g.* (pp. 30–52). Borodino, S. n.
- Domergue, A. (1881). *Vospominaniya o Rossii* [Recollections of Russia]. In *Istorichesky vestnik*, 6, pp. 343–363; 7, pp. 596–628; 8, pp. 862–887; 9, pp. 158–184; 11, pp. 620–641; 12, pp. 807–821; 12, p. 816.
- I. A. Tutolmin – I. N. Baranovu. Moskva, noyabr' 1812 g. [From I. A. Tutolmin to I. N. Baranov. Moscow, November, 1812]. (1900). In *Russky arkhiv*, 11, pp. 457–458.
- Izarn, F. d' (1900). *Vospominaniya moskovskogo zhitelya o prebyvanii frantsuzov v Moskve v 1812 godu* [Recollections of a Moscow Dweller about the French in Moscow in 1812]. In *Russky arkhiv*, 11, pp. 1406–1462.
- Kiselev, N. (1868). *Delo o dolzhnostnykh litsakh Moskovskogo pravleniya, uchrezhdennogo frantsuzami v 1812 g.* [Case of Officials of the Moscow Government Established by the French in 1812]. In *Russky arkhiv*, 6, pp. 881–904.
- Kol'chugin, G. N. (1879). *Zapiski o 1812 gode moskovskogo gofmaklera G. N. Kol'chugina* [Notes on the Year of 1812 by Moscow Court Broker G. N. Kolchugin]. In *Russky arkhiv*, 9, pp. 45–60.
- Larrey, D. J. (1817). *Mémoires de chirurgie militaire et campagne*. Vol. 4. 499 p. Paris, Chez J. Smith.
- Lecoinge de Laveau G. (1814). *Moscou avant et après l'incendie*. VI, 203 p. Paris, Gide fils.
- Mel'nikova, L. V. (2007). *Armiya i Pravoslavnaya tserkov' Rossiyskoy imperii v epokhu napoleonovskikh voyn* [The Army and the Orthodox Church of the Russian Empire during Napoleonic Wars]. 416 p. Moscow, Kuchkovo pole.
- Moskva v 1812 godu : Vospominaniya, pis'ma i ofitsial'nye dokumenty iz sobraniya Otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Moscow in 1812: Recollections, Letters and Official Documents from the Collection of the Written

Sources Department of the State Museum of History]. (2012). 448 p. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

Moskva i Otechestvennaya voyna 1812 g. : v 2 kn. [Moscow and the Russian Patriotic War of 1812: 2 Vols.]. (2011). Book 2. 640 p. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya Moskvyy.

Moskovsky Novodevichiy monastyr' v 1812 g. : Rasskaz ochevidtza – shtatnogo sluzhitelya Semena Klimycha [The Moscow Novodevichy Convent in 1812: An Account of a Witness, Convent Clerk Semyon Klimych]. (1866). In *Russky arkhiv, 1864*, pp. 844–858). Moscow.

Napoleon v Rossii glazami russkikh [Napoleon in Russia as Seen by Russians]. (2004). 320 p. Moscow, Zakharov.

Norov, A. S. (1868). *Voyna i mir (1805–1812). S istoricheskoy tochki zreniya i po vospominaniyam sovremennika : Po povodu sochineniya grafa L. N. Tolstogo “Voyna i mir”* [From the Historical Point of View and According to the Recollections of a Contemporary: On Count L.N. Tolstoy's *War and Peace*]. 258 p. Saint Petersburg, Tip. Departamenta udelov.

Perechen' izvesty iz Moskvyy i okruzhnostey eya ot 20 sentyabrya (st. st.) 1812 g. [News from Moscow and Its Surroundings as of September 20, 1812]. (1866). In *Russky arkhiv, 1864*, pp. 790–794. Moscow.

Popov, A. N. (1876). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812]. 185 p. Moscow, Tipografiya Gracheva.

Quintin, D. et B. (1996). *Dictionnaire des Colonels de Napoleon*. 978 p. Paris, S. P. M. Rey, M. P. (2012). *L'effroyable tragédie*. 391 p. Paris, Flammarion.

Rosenstrauch, J.A., (Martin, A. (Foreword). (2015). *Istoricheskie proisshestiya v Moskve 1812 goda vo vremya prisutstviya v sem gorode nepriyatelya* [Historical Events in Moscow in 1812 at the Time of the Enemy's Presence in This City]. 296 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

RGVIA. Stock 151. List 1. Dos. 92.

Service historiques de la Défense. C. 290. F. 100.

Shchukin, P. I. (1897–1908). *Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoy voyny 1812 g. : v 10 ch.* [Papers on the Russian Patriotic War of 1812]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova.

Surugue, A. & Libercier, R. P. (Publ.). ([1909]). *Mil huit cent douze. Les Français à Moscou*. 72 p. Moscow, F. Tastevin.

Tolycheva, T. (1872). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 54 p. Moscow, Katkov i K.

Tolycheva, T. (1912). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 115 p. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko.

TsIAM. Stock 46. L. 8. Dos. 563–564.

Ulanov, V. Ya. (1912). *Organizatsiya upravleniya v zanyatykh frantsuzami russkikh oblastiakh* [Organisation of Government in the Russian Regions Occupied by the French]. In *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo*. Vol. 4, pp. 121–141. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina.

Vasil'chikov, A. A. (1880). *Semeystvo Razumovskikh : v 5 t.* [The Razumovsky Family: 5 Vols.]. Vol. 2. IV, 557, XXI p. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Vionnet de Maringoné, L. J. (1899). *Souvenirs d'un ex-commandant des grenadiers de la veille-garde*. 193 p. Paris, E. Dubois.

Zemtsov, V. N. (2014). *Napoleon v Moskve* [Napoleon in Moscow]. 364 p. Moscow, Kniga.

The article was submitted on 31.10.2016